

СЕМЁНОВ Николай Юрьевич

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ВТОРАЯ ПОПЫТКА...

Об авторе:

Научный сотрудник СПб Института истории РАН. Окончил экономический факультет ЛГУ им. Жданова.

За более чем тысячелетнюю историю России лишь две достаточно непродолжительные эпохи могут быть — и то с известной натяжкой — названы парламентскими. Первая ведет начало от знаменитого Манифеста 17 октября 1905 года. Вторая — со дня альтернативных выборов народных депутатов в марте 1989 года. Этими двумя десятилетиями и исчерпывается пока парламентский опыт России.

Если же попытаться одним словом определить главную черту, характеризующую российский парламентаризм начала и конца столетия, то этим словом, вероятно, будет «слабость». Истоки этой слабости — в самом происхождении представительных учреждений России, в обоих случаях созданных верховной властью страны в качестве зависимого и ведомого партнера. Используя терминологию начала века, можно сказать, что верховная власть «даровала» парламентаризм российскому обществу, хотя дар этот был во многом вынужденным. В этом его принципиальное отличие, например, от системы Советов, которая зародилась в огне русских революций как альтернатива правящему строю, в этом его отличие и от многих западных парламентов. Андрей Нуйкин, известный политолог начала 90-х годов, сравнивая демократический потенциал России и посткоммунистической Восточной Европы, отмечал исходное отличие путей демократов во власть: «их диссиденты, Валенса и Гавел, **вырвали власть** у прежней номенклатуры **ценой упорной борьбы**, десятилетний противостояния системе. **Наши демократы получили свободу печати, открытые границы и свободные выборы как подарок Горбачева.** Это создает для них определенные сложности». Иными словами, сам характер возникновения нашего парламента и в 1905-м, и в 1989 году определял его изначальную вторичность по сравнению с учредившей его верховной властью.

Однако судьбы российского парламентаризма после первого и после второго его рожде-

ний в дальнейшем оказались различны. Создавая в 1905-1906 годах Государственную Думу, самодержавная монархия стремилась к появлению зависимого, ведомого, но в то же время вполне дееспособного партнера в деле модернизации страны, ставшей очевидной необходимостью. Отсюда — стремление Николая II, П.А. Столыпина и большинства тогдашних государственных деятелей к созданию «работоспособной Думы». После того, как выяснилось, что первый и второй ее составы (созывы) из-за преобладания в них оппозиционных сил не отвечают этому требованию, иначе говоря, не желают сотрудничать с монархом и правительством, они были распущены, а введением 3 июня 1907 года нового избирательного закона был обеспечен, наконец, нужный режиму состав III Государственной Думы.

Проблема «работоспособной», то есть управляемой, Думы была решена тогда с помощью механизма «двойного большинства». Правые и октябристы выступали там своего рода **стабилизатором**, не позволявшим парламенту выйти из под контроля власти. Октябристско-кадетская часть депутатского корпуса играла роль **рычага**, с помощью которого проводилась столыпинская программа модернизации. **Ключевыми звеньями** этой системы выступали правительственная партия националистов и Союз 17 октября. С точки зрения правящих верхов, однородная — например, в подавляющем большинстве «правая» — Дума была гораздо менее желательной в силу ее значительно меньшей контролируемости, а следовательно, и «работоспособности». Поэтому на случай возможных парламентских осложнений верховная власть сохранила за собой возможность прямого законотворчества.

В совершенно иной исторической ситуации 1988-1989 годов целью Михаила Горбачева и его ближайшего окружения также было создание управляемого, но вместе с тем дееспособного парламента. Столкнувшись с тем, что процессы «революционной перестройки» стали явно выходить из-под контроля ЦК КПСС, причем носителем скрытой, но упорной оппозиции во все большей степени выступал сам партийный аппарат, тогдашние руководители страны решили создать дополнительный и достаточно **мощный рычаг воздействия на события** — систему законодательной власти, систему, параллельную партийному аппарату, но управляемую иными методами. Отсюда — выдвижение концепции о том, что «экономические реформы в наших условиях нельзя осуществить без политических перемен» и о необходимости «реального полновластия Советов». На практике, как известно, это вылилось в попытку преобразования

прежней системы Советов в громоздкий механизм корпоративного двухуровневого парламента, более всего схожего с индонезийской моделью представительных учреждений, существовавшей при режиме **президента Сухарто**. Такой парламент, с одной стороны, является относительно независимым от правящей партии и государственного аппарата, с другой — контролируемым верховной властью страны в силу ряда структурных особенностей. В конечном итоге, эта **попытка создания управляемого парламентаризма потерпела крушение в 1991 году** вместе со всей политической линией Михаила Горбачева.

После трагических событий в октябре 1993 года у «Белого дома» в Москве верховная власть России, олицетворяемая уже президентским режимом Бориса Ельцина, предприняла новую попытку создания зависимого парламентаризма. Принятая на референдуме 12 декабря 1993 года новая Конституция России учредила в стране достаточно ограниченную в правах Государственную Думу, находящуюся в тени авторитарной власти президента. Многие исследователи (например, В.И. Старцев) уже тогда **отмечали поразительную схожесть новой модели государственного устройства с политическим механизмом третьионьской монархии**. Однако существовало и важное внутреннее отличие, на которое следовало бы обратить особое внимание.

Николай II и его окружение хотели вedomой правительством, но при этом дееспособной и действующей Думы. Им был нужен ограниченный в правах, младший, но реальный партнер в деятельности по модернизации России. Президенту Ельцину и правящей элите постсоветской России, напротив, наиболее желателен был бы не столько даже зависимый, сколько внутренне недееспособный парламент — парламент, который мог бы стать партнером власти в ее бездействии. Почему? На наш взгляд, причина состоит в том, что к этому времени политические силы, победившие в России в 1990-1991 годах, успели почти полностью растерять свой идейный и политический потенциал. Ставка на быстрое обновление страны с помощью радикальных экономических реформ, провозглашенных Егором Гайдаром и его единомышленниками, оказалась несостоятельной уже к концу 1992 года. С приходом к власти правительства Виктора Черномырдина разговоры о реформах продолжались, но на смену попыткам их серьезного осуществления пришла политика «бюрократического дрейфа». **Идеи свободы, правового общества, современной демократии, владевшие умами десятков миллионов россиян в конце 80-х — начале 90-х годов**, надежды на скорейшее вхождение в мировое сообщество **во многом утратили прежнюю вдохновляющую силу**. «Ельцин погубил политическую армию российской демократии под стенами Белого дома», — так характеризовали к исходу 1993 года произошедшую в стра-

не смену умонастроений.

У правящей группы, закрепившейся у власти в результате политического кризиса сентября — октября 1993 года, не оказалось ни достаточно привлекательной идеологии, ни эффективной программы действий, которую можно было бы предложить уставшей и разочарованной в реформах стране. В этих условиях она была **заинтересована в создании не столько послушного, сколько бессильного парламента**, в свою очередь не способного противопоставить власти какую-то реальную идеологическую или политическую альтернативу. **Не управляемый, ведомый в нужном направлении партнер, как Государственная Дума третьионьской монархии, а внешне оппозирующий, но по существу недееспособный и непривлекательный противник — таковым было предназначение парламента в новой политической модели**.

Выдвижение КПРФ в результате декабрьских выборов 1993 года на роль главной оппозиционной силы объективно способствовало реализации этого стремления. **Непримиримая в речах и декларациях, но более чем умеренная в своих практических действиях; идеологически и психологически ориентированная на прочно дискредитированное прошлое и в силу того опирающаяся преимущественно на уходящее поколение, не способная противопоставить бездеятельности президентской власти собственную активность по выводу страны из кризиса** — такая партия оказалась самым удобным стабилизирующим противовесом в политической системе России 90-х годов.

На протяжении большей части 90-х годов, на наш взгляд, в стране существовала видимость непримиримого противостояния двух зависших в бездействии полюсов системы «власть — парламент», в то время как в начале века, вплоть до катастрофических поражений 1915 года в Первой Мировой войне, верховной власти удавалось вести за собой Государственную Думу. Однако, если падение российской монархии в феврале 1917 года привело к быстрому крушению созданного ею думского парламентаризма — в результате чего парламентская традиция в стране оказалась прерванной более чем на семь десятилетий, — политический кризис постсоветской России в 1998 — 1999 годах, напротив, привел к **принципиальному обновлению роли представительных учреждений: с 2000 года «равновесие бездействия» сменяется «динамическим партнерством»**. Однако внутренние причины эволюции российского парламентаризма в 1990-е годы заслуживают обстоятельного рассмотрения в отдельной большой статье, которая готовится в настоящее время к публикации.